

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Латинская Америка: демографическая динамика и трансформация миграционных процессов

Надежда Юрьевна КУДЕЯРОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт Латинской Америки РАН, 115035, Б. Ордынка ул., д. 21, Москва,
Российская Федерация
E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6899-0763

ЦИТИРОВАНИЕ: Кудеярова Н.Ю. (2020) Латинская Америка: демографическая динамика и трансформация миграционных процессов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 119–140.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Статья поступила в редакцию 23.03.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00023.

АННОТАЦИЯ. Латинская Америка относится к регионам с высоким уровнем миграционной активности. История государств южной части Западного полушария более полутора веков сопряжена с массовыми переселенческими потоками, структура и направление которых существенно трансформировались. Если в конце XIX – начале XX вв. латиноамериканские государства выступали в качестве реципиентов трансатлантических миграционных потоков, то во второй половине XX в. они превратились в доноров человеческих ресурсов. Это было связано с глубокими демографическими преобразованиями. Целью работы является анализ влияния демографических трансформаций на становление эмиграционной модели мобильности в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Демографические изменения по-разному проявлялись в странах с большой долей

европейских мигрантов и тех, которые не были затронуты массовыми миграциями рубежа XIX–XX вв. Демографический взрыв с наибольшей силой проявился в странах Центральной Америки и Мексике. Впоследствии это отразилось на интенсивности миграционного движения в США. В работе изучены основные направления миграций жителей стран Латинской Америки и Карибского бассейна, выделены два базовых ареала мобильности, демонстрирующих различные стратегии в выборе стран – целей миграции. США стали лидирующей страной приема латиноамериканских мигрантов. Но если 93% мигрантов из Центральной Америки и Мексики направляются в США, то в Южной Америке преобладают внутрорегиональные передвижения. Это нашло отражение в реализации миграционной политики крупнейших региональных интеграционных объединений. Значимое

место во внерегиональных направлениях миграции из Южной Америки заняла Испания. В конце второго десятилетия XXI в. глобальные экономические трансформации влияют на миграционную динамику латиноамериканских субрегионов, продуцируя мощные миграционные кризисы и локальные напряжения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демографический взрыв, Латинская Америка, Южная Америка, Центральная Америка, США, Испания, миграция, миграционное давление, трансатлантическая миграция

Современный политический контекст миграционного движения выводит эту естественную форму территориальной мобильности в число противоречивых факторов глобального порядка. В последние несколько десятилетий мы могли наблюдать значительный рост миграционной активности и порождаемые ею локальные напряжения. Миграции все чаще позиционировались как инструмент конфронтации: они обозначались как «новая революция» [Крастев 2018, с. 24], вдохновленная не идеологическими образами, а потребностью перемен страны проживания. Мигранты становились одним из препятствий для возрождения «величия страны» (по выражению президента США Д. Трампа [Трумр 2016]) или же использовались в качестве манипулятивного инструмента в решении политических задач, как это было сделано в марте 2020 г. лидером Турции Р.Т. Эрдоганом в вопросе с сирийскими беженцами. Эти примеры отражают симптомы оформления «идеологии» новых посткризисных форм глобализации.

Миграционная проблема артикулируется со стороны принимающих сообществ, где внимание уделяется вопросам интеграции, культурного единства и сохранения прежнего уровня благополучия. Но у территории исхода нет

столь же мощной общественной трибуны. Это приводит к тому, что миграции воспринимаются зачастую как процесс, стимулируемый лишь «революцией Google», – возможностью увидеть с помощью телефона жизнь людей в других местах и стремлением оказаться там. В такой системе причинно-следственных связей мигранты как бы «обрушиваются» на Запад, насмотревшись на блага цивилизации, к которым им хочется приобщиться. Но у всех миграционных кризисов последних лет были свои конкретные причины, проявившиеся после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Обрушение мировых цен на нефть и другие ископаемые ресурсы подорвало существовавшие экономические механизмы поддержания стабильности во многих, прежде всего развивающихся, странах. Наложённые на демографическую асимметрию между странами глобального Юга и Севера, они провоцировали исход населения. Иными словами, спусковой механизм массовых миграций был намного сложнее, чем фрустрация о красивой жизни.

Одним из следствий продолжающегося роста населения в развивающихся странах стала активизация мобильности жителей Юга. Начавшаяся с внутренних миграций и урбанизации, она все чаще выходит за границы государств. Как отмечали авторы «Доклада о мировой миграции 2020» Международной организации по миграции (International Organization for Migration, ИОМ), размер мировых международных миграций постепенно растет, по оценкам, «в 2019 г. за пределами стран рождения проживало 272 млн чел., что на 119 млн больше, чем в 1990 г. (153 млн), и более чем в 3 раза превзошло показатель 1970 г. в 84 млн мигрантов» [World Migration Report 2019, p. 21]. За 50 лет доля мигрантов в мировом населении увеличилась с 2,3 до 3,6%.

Вклад латиноамериканского региона в эти процессы значителен. Так, согласно оценкам Отдела народонаселения ООН, «численность мигрантов в странах Латинской Америки и Карибского бассейна составила 40,5 млн чел., или около 15% мировой численности мигрантов» [Panorama Social de América Latina 2019, p. 159]. Это значение фактически в 2 раза превышало долю жителей стран Латино-Карибской Америки (8,6%) в населении мира. Опираясь на данные Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL), регионально-го подразделения ООН, можно отметить, что за пределами родных стран находились 6,3% жителей региона. Он стал безусловным донором человеческих трудовых ресурсов. Приведенные значения подчеркивают очень высокую миграционную мобильность латиноамериканцев, фактически в 2 раза превосходящую среднемировую показатель. Это дает основание отнести Латинскую Америку и страны Карибского бассейна к пространству с высоким уровнем миграционного движения.

Основные демографические тенденции Латино-Карибской Америки

Активная территориальная мобильность – одна из базовых черт населения региона. История государств южной части Западного полушария более полутора веков сопряжена с массовыми переселенческими потоками, структура и направление которых существенно трансформировались. Именно миграции были важнейшим механизмом формирования современного облика латиноамериканских стран.

На интенсивность и направления современной мобильности в латино-

американском регионе влияют глобальные и региональные демографические тенденции. Уже с середины XIX – начала XX вв. латиноамериканские страны были плотно вплетены в глобальные миграционные процессы в качестве реципиентов человеческих ресурсов. В тот период переселенцы из государств Южной Европы доминировали в трансатлантическом потоке, искавшем счастье и новые возможности на южноамериканском континенте. Стимулом для столь дальнего переселения была потребность в рабочих руках и малая заселенность территории. Вкупе с демографическим ростом в странах Южной Европы это создавало условия для активной мобильности.

Так, в ходе свободного межконтинентального передвижения с 1870 по 1915 г. в Аргентину прибыло свыше 7 млн иностранцев, в основном из Испании, Италии, Франции и Португалии, из которых впоследствии около 58% покинули страну, вернувшись на родину либо продолжив путь в США. За этот период население Аргентины выросло фактически в 4 раза, а доля иностранцев достигла 30% [Recchini de Lattes, Lattes 1975, pp. 23, 65]. Активная фаза трансатлантической миграции также проявилась и в Бразилии, где на протяжении XIX – начала XX вв. прибыло суммарно более 3,6 млн чел. (около 15% также покинули страну либо реэмигрировали). В начале XX в. доля мигрантов в составе бразильского населения составляла 6,2% [Zamberlam 2004, p. 63]. Сходные процессы происходили и в Уругвае. Пик абсолютных значений иммиграции был зафиксирован переписью 1908 г., когда число уроженцев других стран составило 180 тыс., или 17,4% всего населения [Perfil Migratorio de Uruguay 2011, p. 45; Nahum 2007, p. 9]. В целом трансатлантические миграции достигли пика к 1914 г. и с началом Первой мировой войны стали со-

кращаться. Хотя конкретные абсолютные значения миграционного притока зависели от размеров принимающих стран, относительное влияние было колоссальным.

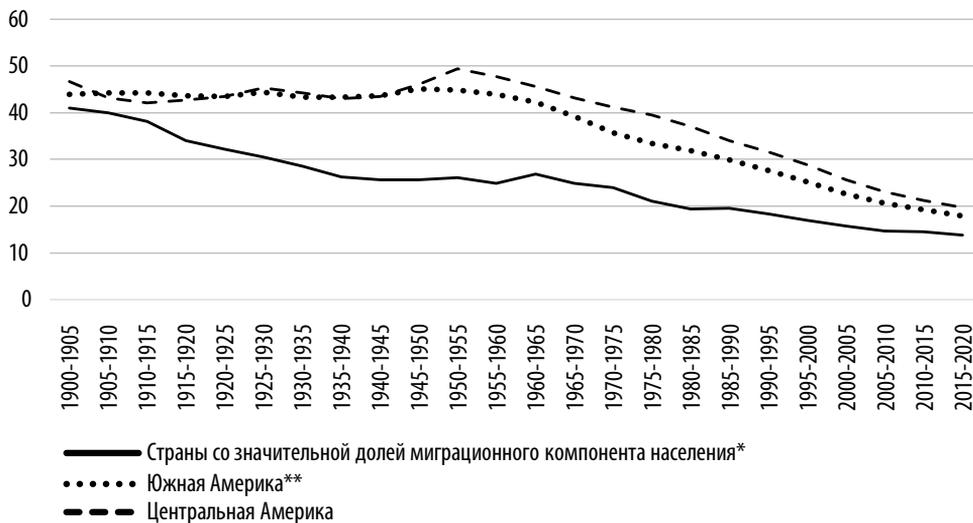
В XX в. в латиноамериканском регионе стали формироваться новые миграционные модели, которые наиболее четко проявились во второй половине века. Они воплотились в нарастающей эмиграции людей и становлении регионального формата мобильности. Статистически растущий объем пограничных миграций начал проявляться лишь после 1955 г. [Кудярова 2017, с. 83].

Превращение латиноамериканских стран в доноров миграции происходило в тесном переплетении с активным демографическим ростом. Середина XX в. стала периодом изменения модели воспроизводства населения в Латинской Америке, где на смену «традиционной» модели с высокими показателями рождаемости и смертности стала приходиться «современная». Ее базо-

выми чертами являются низкие уровни рождаемости и смертности. Изменение не было одномоментным. В итоге инерция высокой рождаемости синхронизировалась с принципиальным сокращением смертности, прежде всего детей младенческого возраста. Переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения воплотился в активном росте населения стран Латинской Америки и Карибского бассейна: с 1900 г., когда суммарная численность составляла 63 млн чел., она выросла до 653,6 млн (2020 г.), или фактически в 10 раз [Miró 1968, р. 2; CEPAL. CEPALSTAT]. Это заложило фундамент последующей эмиграционной активности.

Демографическая трансформация стала важнейшим социально-экономическим процессом. В начале XX в. практически для всех латиноамериканских стран были характерны максимальные показатели коэффициентов рождаемости в диапазоне 40–50‰. Но бы-

Рисунок 1. Динамика коэффициента рождаемости в Латинской Америке (промилле)

* Аргентина, Уругвай (с 1910 г.), Куба (с 1930 г.)

** без Аргентины и Уругвая

Источник: Построено по данным: 1900–1950 [Miró 1968, pp. 6–7]; 1950–2020 [CEPAL. CEPALSTAT].

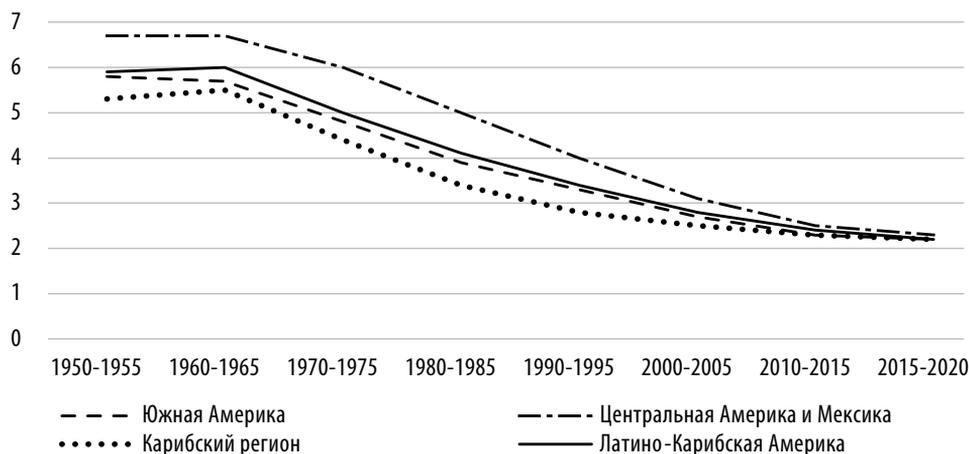
ло бы упрощением усреднять все данные по региону. Миграционная волна конца XIX – начала XX вв. проявилась также в характере воспроизводства населения. Как отмечалось в докладе «Население Латинской Америки в XX веке» Latinoамериканского центра демографии (Centro Latinoamericano de Demografía, CELADE), «в странах, не подверженных воздействию международных миграционных передвижений, возрастная структура определялась главным образом предшествовавшим поведением фертильности. Это отчетливо видно при сравнении структур двух популяций, которые в течение относительно длительных периодов демонстрировали различные уровни фертильности» [Miró 1968, p. 18]. В 1960-х гг. стали отчетливо заметны различия между странами, испытавшими мощный миграционный приток (Аргентина, Уругвай и Куба), и теми, где миграции не внесли столь же значимого вклада. Для стран первой группы было характерно воспроизведение европейских демографических траекторий (график 1). Это особенно заметно на фоне центрально-

американских государств и Мексики, где преобладало автохтонное и метисное население. Так, например, в Аргентине в 1900–1904 гг. коэффициент рождаемости составил 41,0‰, но в 1960 г. – лишь 22,3‰. В те же годы в Мексике этот показатель рождаемости составлял 46,5 и 46,0‰ соответственно.

После пиковых значений 1950–1960-х гг. наметилось постепенное сокращение уровня рождаемости: если в 1950–1955 гг. в среднем по региону коэффициент составлял 43,1‰, то к началу 2000-х гг. он сократился в 2 раза и продолжил траекторию снижения, достигнув 17,5‰ в 2015–2020 гг. Падение уровня рождаемости происходило синхронно со снижением среднего числа рожденных детей на одну женщину. Если в 1960–1965 гг. в среднем на женщину приходилось 6 детей, то в 2015–2020 гг. – лишь 2,2 [CEPAL. CEPALSTAT] (график 2).

После Второй мировой войны латиноамериканские страны вошли в фазу демографического перехода. Высокий уровень фертильности, характерный для традиционного типа воспроизводства населения, не являлся определяю-

Рисунок 2. Изменение коэффициента суммарной рождаемости (рождений на женщину)

Источник: Построено по данным [CEPAL. CEPALSTAT].

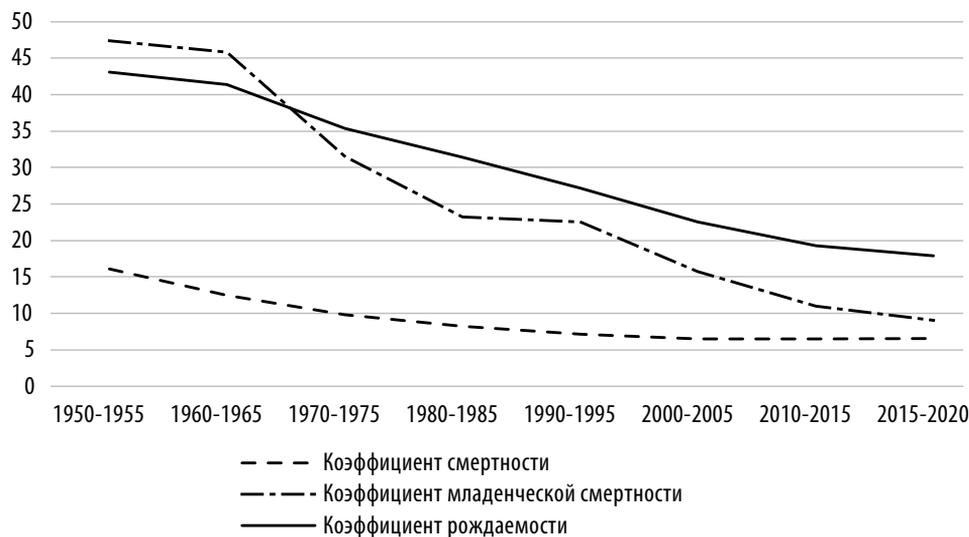
щим элементом произошедшей трансформации. Он предопределил высокие доли детей и молодых взрослых. «Улучшение санитарного состояния в наибольшей степени влияло на показатель смертности младенцев и в целом более молодых групп населения, тем самым увеличивая число выживших в этих возрастных группах, что неизбежно привело к омоложению возрастной структуры», – отмечалось в докладе CELADE [Miró 1968, pp. 18–19].

Эпидемиологическая революция XX в. внесла решающий вклад в демографическую трансформацию (график 3). Ее ключевым элементом принято считать изменение режима смертности, с одной стороны, приводящее к увеличению продолжительности жизни, с другой – к радикальному снижению уровня детской смертности. Совокупность этих факторов привела к «выигрышу» жизней во всех возрастных группах и, как следствие, к демографическому взрыву.

Вторая половина XX в. была периодом доминирования детской и молодежной когорт населения. Со временем стал наблюдаться характерный сдвиг, который свидетельствовал о снижении темпа роста населения (график 4). По мнению российского демографа А.Г. Вишневого, «по мере прекращения демографического взрыва «молодежный бугор» будет перемещаться в средние, а затем и в старшие возрасты и со временем усилит процесс демографического старения» [Вишневский 2019, с. 292]. Этот «молодежный бугор» стал наглядным отражением воздействия демографических процессов на миграционную активность. Высокие показатели рождаемости при добавлении 15–20-летнего интервала, необходимого для достижения трудоспособного возраста, впоследствии привели к волнообразному росту миграционных показателей.

Представляется, что постепенный поиск баланса низкой смертности и

Рисунок 3. Основные демографические показатели по Латино-Карибской Америке (промилле)

Источник: Построено по данным [CEPAL, CEPALSTAT].

низкой рождаемости – это неизбежная перспектива стран региона, но прийти к ней они будут в разные периоды. Минимальный медианный возраст 18,6 лет в Латинской Америке был достигнут в 1965–1970 гг., и после этого он стал постепенно увеличиваться. Хотя в государствах Центральной Америки показатель опустился до 16,7 лет, в дальнейшем он повторил общую траекторию с сохранением обозначенного лага. Латинская Америка относится к «молодым» регионам. К 2020 г. средний возраст жителей составил 31 год [World Population Prospects 2019]. Тем не менее общая тенденция постепенного взросления уже обозначилась.

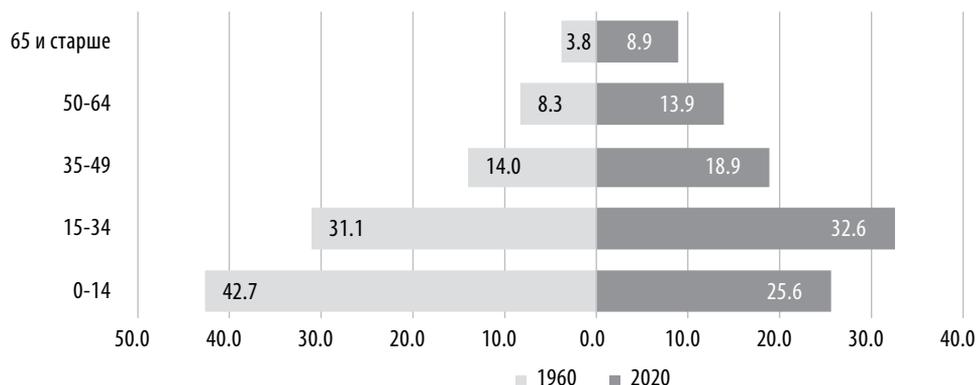
Продолжительность бурного роста населения составила около трех–четырёх десятилетий. Однако на фоне снижающихся демографических показателей инерция демографического взрыва все еще способствует поддержанию роста численности населения в странах региона. Так, согласно данным доклада ООН «Перспективы мирового населения», к 2050 г. население региона достигнет 780 млн чел., а затем постепенно начнет сокращаться [World Population Prospects 2017, р. 1]. Насе-

ление Латинской Америки только начинает стареть, но в целом на протяжении нескольких десятилетий будет оставаться относительно молодым.

Географическая проекция миграционных процессов

Демографические трансформации заложили фундамент для высокой миграционной активности жителей Латинской Америки. Основные тенденции территориальной мобильности можно увидеть сквозь призму показателей накопленной миграции (stock migration). Традиционно в статистике категория «Латинская Америка» в большинстве случаев объединяет континентальные «латинские» государства, а также карибские Кубу, Доминиканскую Республику и Гаити, исключая из списка континентальные Гайану, Суринам, Белиз и большинство карибских государств. Современные группировки более демократичны, они все чаще отражают территориальное объединение вне зависимости от «латинизации». Тем не менее остается актуальным подход, когда анализ «по Латинской Америке»

Рисунок 4. Возрастная пирамида Латино-Карибской Америки (%)

Источник: Построено по данным [CEPAL, CEPALSTAT].

строится вокруг либо усредненного показателя по региону, либо на примере конкретных стран. Это нередко размывает четкость тенденций, прежде всего в их специфической субрегиональной проекции.

С 1980-х гг. за странами Латинско-Карибской Америки закрепился стереотип донора миграций. Он особенно ярко проявился на примере латиноамериканского присутствия в США. Так, «Соединенные Штаты являются основным пунктом назначения региональной эмиграции. Хотя это утверждение относится не ко всем странам, оно отражает долгосрочную тенденцию. В 2010 г. в США концентрировалось три четверти латиноамериканских и карибских мигрантов, в то время как, например, другие страны Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР) – Канада, Испания и Япония – привлекали только 13%» [Panorama Social de América Latina 2019, p. 168]. Даже исключение из общего подсчета Мексики (без объяснения оснований для этого шага), как это предложили авторы доклада «Социальная панорама Латинской Америки 2019», оставляет Соединенные Штаты в лидерах миграционных направлений, который концентрирует почти 50% региональных мигрантов [Panorama Social de América Latina 2019, p. 168]. Такое отсутствие методологической четкости не вносит ясности в понимание сложившейся системы регионального миграционного движения. Рассмотрение всех стран региона как единого целого на основе усредненных показателей во многом не продуктивно. Для исследования географической составляющей мобильности предлагаем отойти как от исключительно странового подхода, так и от обобщения тенденций по признаку латиноамериканской «лингвистической общности» и обратить внимание на субрегиональные группировки.

Анализ основных направлений миграций показывает, что устоявшиеся маршруты имеют стабильные привязки к странам-реципиентам. Они определяются целями миграции (куда и зачем), расстоянием до желаемых стран и возможностями (финансовыми, физическими и юридическими) преодоления этих расстояний. Географические условия стали важной составляющей развития субрегиональной мобильности. Так, например, наличие водных препятствий между Южной и Центральной Америкой фактически исключило южный вектор для массовой миграции из центральноамериканских стран.

Задача построения территориальных моделей субрегиональной мобильности может быть решена с помощью Двусторонней матрицы миграций (Bilateral Migration Matrix) Всемирного банка. Объединив страны по группам, можно увидеть устоявшиеся модели передвижения жителей континентальных государств Южной и Центральной Америки, а также Карибского бассейна.

Для жителей стран Центральной Америки и Мексики доминирующим вектором миграции стали США, на которые приходилось 93% накопленной миграции (график 5). В случае Мексики этот показатель стремился к абсолютным значениям и достигал 98%. Некоторая вариативность, выразившаяся в «остальных» 7%, была достигнута за счет двух факторов. Важным стало коста-риканское «исключение». Эта небольшая центральноамериканская страна на протяжении сорока лет принимает переселенцев из соседней Никарагуа, что привело к положительному миграционному салдо. Также часть выходцев из Гватемалы, Сальвадора и Гондураса остается в Мексике, находя там работу в сельских районах. Эти центральноамериканские страны принято обозначать как Северный тре-

угольник, что подчеркивает их географическую близость и во многом сходные социально-экономические и политические проблемы.

Основные направления миграции жителей Северной части Латино-Карибской Америки

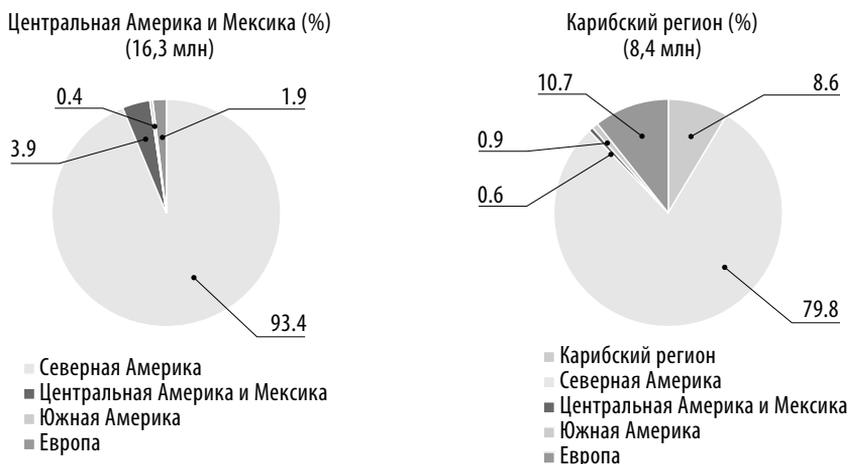
Направления миграции жителей государств Карибского бассейна во многом воссоздают сходную картину (график 6). США также доминируют в качестве основного реципиента, в них проживало 80% всех мигрантов из этого мультиостровного субрегиона. Но, в отличие от первого примера, здесь можно увидеть более активные внутрирегиональные передвижения, складывающиеся из статистики пары Гаити и Доминиканской Республики. Также в качестве устойчивого направления третье место прочно заняли европейские страны.

Несмотря на некоторое увеличение доли внутрирегиональной мобильности и значимости европейского направления, два приведенных примера во многом структурно сходны. Это дает основание объединить их в один северный миграционный ареал, суммарно охватывающий 24,6 млн чел.

Демографические изменения оказали прямое воздействие на миграционную динамику. Наиболее ярко они обозначились в северном миграционном ареале. Мексикано-американская граница стала символом проблем, связанных с массовыми людскими потоками в США.

Причины столь высокой активности на этом направлении очевидны. Наиболее ярко неравномерность субрегионального развития проявляется в экономической сфере. Так, в 1990 г. ВВП на душу населения (по ППС в международных долларах) в США превышал аналогичный показатель Мексики в 3,7 раза, Сальвадора – в 8,2, Гватемалы – в 7,2 и Гондураса – в 11,5 раза.

Рисунки 5 и 6. Основные направления миграции жителей северной части Латино-Карибской Америки

Источник: Рассчитано и построено автором по данным [Bilateral Migration Matrix 2017].

По прошествии тридцати лет, несмотря на рост номинальных значений, соотношение осталось, по сути, прежним: Мексика – 3,2 раза, Сальвадор – 7,5, Гватемала – 7,4, Гондурас – 12,2 раза [World Development Indicators]. Иными словами, установившиеся разрывы не менялись. Все это предопределяло направление миграционного движения. Мексика занимала своеобразное «промежуточное» положение в этой цепочке стран. Однако бедность, в которой проживало свыше 56% сельского населения Мексики, мало отличалась от ситуации центральноамериканских соседей [CEPAL. CEPALSTAT]. В государствах Северного треугольника более половины сельских жителей оставались за чертой бедности и трудно искореняемой нищеты. Поэтому лишь для незначительной части мигрантов Мексика становилась целью миграции, а подавляющее большинство предпочитало двигаться дальше на север. В случае успеха даже малоквалифицированная работа давала финансовое вознаграждение, оправдывавшее опасный нелегальный переход.

Помимо очевидных экономических факторов – различия уровня оплаты труда и качества жизни между США и близлежащими латиноамериканскими странами, – ключевую роль играл рост численности населения в трудоспособном возрасте, не находившего работу в родных странах. Интенсивность и массовость во многом предопределялись демографическими показателями. Так, статистические данные динамики роста населения Мексики устойчиво коррелировали с увеличением присутствия уроженцев страны на территории северного соседа. Особенно сильно связь проявлялась с 15–20-летним лагом, когда родившиеся в 1950–

1960-е гг. достигали трудоспособного возраста и выходили на рынок труда. В 1970-х гг. началась активная мексиканская эмиграция, приведшая за десятилетие к трехкратному увеличению числа иммигрантов в США (график 7). Хотя ее темп прироста постепенно снижался с 1980-х гг., абсолютные показатели продолжали расти.

В определенной мере мексиканский пример иллюстрирует усиливающее воздействие фактора диаспоры на интенсивность миграционных передвижений. Начало было положено Программой Брасеро¹ (Bracero Program, BP). Двусторонний американо-мексиканский договор о контрактации сельскохозяйственных рабочих, действовавший в 1942–1964 гг., был призван компенсировать нехватку североамериканских рабочих в годы Второй мировой войны. В послевоенное время программа была ориентирована на сельскохозяйственных рабочих и действовала вплоть до 1964 г. Система легального найма обросла сопутствующим недокументированным потоком, использующим социальные связи с диаспорой для поиска возможностей трудоустройства. Таким образом, к началу массовой миграционной волны «инфраструктура» трансграничного перехода была сформирована. Как следствие, легальное присутствие мексиканских мигрантов сопровождалось масштабным недокументированным потоком. В 1986 г. в США был принят Закон об иммиграционной реформе (Immigration Reform and Control Act, IRCA), позволивший урегулировать статус проживания 3 млн чел., 70% которых были мексиканцами [Baker 2013, p. 29], [Коробков 2008, с. 31]. Однако легализация не остановила процесс миграционного движения.

¹ Брасеро – разнорабочий (от исп. bracero – разнорабочий, батрак).

По оценкам американского Pew Research Center, максимальные значения нелегальной миграции в США были показаны в 2007 г., где из 12,2 млн чел. около половины составляли мексиканцы [Krogstad, Passel, D’Vera 2019]. Таким образом, в XXI в. на территории США находилось около 17 млн мексиканцев.

Во многом сходную динамику можно увидеть и для группы уроженцев стран Центральной Америки. Уже в 1970-е гг. наблюдалось значительное увеличение темпа прироста миграционного сообщества, численность которого стартовала с невысоких показателей (48 тыс. чел. в 1960 г.). Главную роль сыграли гражданские войны в ходе Центральноамериканского конфликта, в который были вовлечены Сальвадор, Никарагуа, Гондурас и Гватемала. В 1980-е гг. прием беженцев из этого региона стал основным механизмом увеличения сообщества в США. Численность выходцев из центральноамериканских государств в 1980-е гг. вырос-

ла с 354 тыс. (1980 г.) до 1 млн 134 тыс. (1990 г.) [O’Connor, Batalova, Bolter 2019].

Несмотря на нормализацию политической ситуации и урегулирование конфликта, интенсивность миграционного потока из центральноамериканских стран не спадала. Высокий уровень бедности, характерный для стран Северного треугольника, отсутствие работы в местах рождения, дисбаланс сфер формальной и неформальной занятости способствовали высокому миграционному давлению. С 1990-х гг. «миграция начала функционировать в качестве механизма, адаптирующего местный рынок труда к новой фазе транснационализации рабочей силы. На этом фоне исход населения выполнял роль своеобразного социального клапана, снижающего уровень давления на внутреннем рынке рабочей силы» [Ивановский 2017, с. 316].

Основу сообщества составили выходцы из Сальвадора, на которых при-

Рисунок 7. Темп прироста численности иммигрантов в США (%)

Источник: Рассчитано и построено автором по данным: O’Connor, Batalova, Bolter 2019.

ходило 40% всех иммигрантов данного региона, затем следовали мигранты из Гватемалы (27%) и Гондураса (18,6%). К 2017 г. суммарная численность выходцев из центральноамериканских стран достигла 3 млн 445 тыс. чел. и продолжила постепенный рост. В результате объем накопленной эмиграции варьировался в диапазоне от 6,7% численности населения Гватемалы до 25% жителей Сальвадора [Migration and Remittances Factbook 2016, pp. 115, 134].

В XXI в. в северном миграционном ареале, следуя за демографической динамикой, начала спадать интенсивность мексиканского потока. Наивысший показатель ежегодного притока мексиканцев в США был достигнут в 2000 г., когда в течение года в страну въехало 700 тыс. чел. После это началось постепенное снижение активности, приведшее к уровню 140 тыс. чел. в 2010 г. [Passel, Cohn, Gonzalez-Barrera 2012]. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. заметно затормозил миграционную мобильность. Начавшийся с крахом игроков на рынке ипотечных кредитов, кризис нанес серьезный удар по строительной индустрии. Эта отрасль традиционно являлась одной из самых емких по привлечению труда мигрантов. Сокращение занятости и возможностей трудоустройства постепенно усиливали неопределенность жизненной перспективы. 2011 год стал переломным рубежом в миграционной активности мексиканцев, когда впервые за полвека непрерывного роста был зафиксирован отрицательный показатель. Это означало, что число мексиканских иммигрантов, покинувших США (уехавших, а также депортированных), превысило число приезжающих на североамериканскую землю. Эти наблюдения дают основание полагать, что сила действия исключительно демографических факторов

постепенно снижается, и все большее воздействие оказывают экономические и политические причины миграции (хотя четко отделить одно от другого не представляется возможным).

На этом фоне поток, основу которого составляли выходцы из стран Северного треугольника, продолжал расти в инерции демографического бума. Из сопутствующего он превратился в самостоятельный фактор субрегиональной миграционной системы. С одной стороны, последствия демографических трансформаций остаются важной составляющей выталкивающих факторов. С другой, усиливается воздействие проблем безопасности, нерешенных в центральноамериканских странах, бедности в сельских районах, низкого качества политических институтов. К ним добавляются последствия климатических изменений, вынуждающих значительную часть жителей сельских районов покидать свои привычные места.

В этом ключе новым явлением стали кризисы детской миграции. С особой остротой этот феномен проявился в 2014 г., когда за полгода мексиканоамериканскую границу пересекли около 57 тыс. детей и подростков из Центральной Америки без сопровождения взрослых. В последующие годы стало заметно изменение стратегии центральноамериканских мигрантов, когда в путь отправлялись целые семьи, а не только отдельные их представители. Нелегально пересекая границу США, они не стремились избежать контакта с патрулем, а во многих случаях запрашивали убежище в США. Эти примеры отражали качественные изменения миграционных стратегий.

Избрание Д.Трампа президентом США в 2016 г. существенно видоизменило американскую миграционную политику. Достижения предыдущей администрации были частично нейтра-

лизованы. Символом новой риторики стала «Стена» на мексикано-американской границе – ее модернизация и требование к Мексике оплатить возводимые новые блоки. Миграционный вопрос стал одним из инструментов давления на мексиканскую сторону при пересмотре НАФТА – действовавшего договора региональной интеграции. «Нападение на нашу страну на нашей южной границе, включая поступающие в страну преступные элементы и наркотики, гораздо важнее для меня как президента, чем торговля или USMCA²», – писал американский президент в своем аккаунте в Twitter [Trump 2018].

Односторонние решения в ужесточении миграционного контроля приводили в чем-то к обратному эффекту. В 2019 г. вместо снижения можно было увидеть нарастание активности. Ее воплощением стали «караваны» мигрантов из государств Северного треугольника, пытавшиеся пересечь мексиканскую территорию в надежде дойти до американской границы [Кудеярова (2) 2019]. В итоге статистика задержаний на мексикано-американской границе показала рост фактически в 2 раза по сравнению с предшествующим годом (977,5 тыс.) [Southwest Border Migration FY 2019].

Нет оснований полагать, что в ближайшем будущем миграционная активность в этом регионе будет снижаться. Демографическая асимметрия остается важнейшей составляющей миграционного давления. Изменение миграционной риторики американской администрации, нерешаемые проблемы безопасности в центральноамериканских государствах, синхронизированные с демографическими факторами, предо-

пределяют сохранение миграционной активности в этой части Западного полушария в среднесрочной перспективе.

Особенности миграций в Южной Америке

По мере географического удаления от Соединенных Штатов на юг структура миграционных потоков начинает меняться. В Южной Америке совокупная численность мигрантов составляла 12,3 млн чел. Модель передвижения, сформировавшаяся в субрегионе, значительно отличается от двух предыдущих, территориально более близких к США. Направления передвижений в Южной Америке заметно диверсифицированы (график 8). Роль и значение США отрицать невозможно, они были и остаются лидирующей страной приема мигрантов из этого региона. Это неудивительно, крупнейшая мировая экономика обладает неоспоримой мощностью и объемным рынком труда. Важную роль играют и многолетние связи национальных элит и бизнеса, влияние североамериканского капитала.

Глобализация конца XX в. дала импульс к усилению внерегиональных направлений мобильности: стал заметен азиатский (японский) вектор, но на первое место вышло европейское направление. В общем объеме второй после США страной по численности принятых переселенцев стала Испания. На рубеже веков иберийская страна стремительно превращалась из страны-донора в реципиента миграций. Изменение испанской миграционной модели произошло во многом благодаря массо-

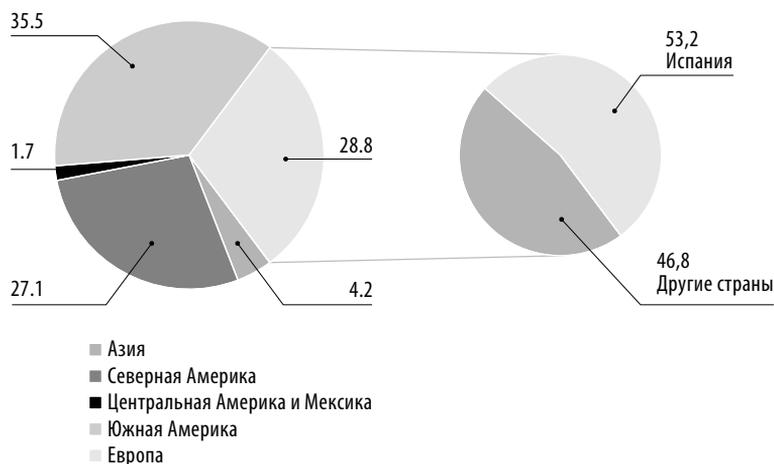
2 USMCA (United States – Mexico – Canada Agreement) – торговое соглашение между США, Мексикой и Канадой, подписанное в 2018 г. Договор стал итогом переговоров по пересмотру НАФТА (Североамериканского соглашения о свободной торговле) 1994 г.

вому переселению людей из стран Южной Америки. Если столетием ранее вектор трансатлантической мобильности был направлен из Европы в Америку, то на рубеже XX–XXI вв. он развернулся в противоположном направлении. Миграционный бум в Испании начался в 1998 г., до этого переломного момента в ней проживало 84,7 тыс. уроженцев южноамериканских стран [Anuario Estadístico de Extranjería 1998]. Бурный рост продолжался вплоть до глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., когда численность латиноамериканцев достигла 2 млн 79 тыс. чел. [Cifras de Población]. За десять лет она выросла в 25 раз. Основной вклад внесли страны тихоокеанского побережья: Эквадор, Колумбия, Боливия, Перу, – а также Аргентина. Подавляющее большинство было настроено на долгосрочную миграцию и закрепление в иберийской стране. Тенденция старения испанского населения была смягчена значительным вливанием более молодой латиноамериканской когорты.

Однако кризис 2008–2009 гг. преврал восходящую траекторию. В последующее десятилетие численность проживающих в Испании латиноамериканцев колебалась в диапазоне от 1 млн 800 тыс. до 2 млн 240 тыс. Постепенный выход экономики на траекторию роста привел к плавному увеличению этой группы. Общая динамика численности сообществ фрагментировалась по странам происхождения [Кудеярова (1) 2019, с. 36]. Очевидной причиной, подталкивающей к эмиграции, стала политическая и экономическая нестабильность. Это проявилось в росте колумбийского сообщества (несмотря на провозглашенные успехи мирного процесса в этой стране), в неспадающей мобильности аргентинцев под влиянием хронических негативных процессов в экономике, в неуклонном увеличении числа уроженцев Венесуэлы.

Миграция в Испанию стала важнейшей частью нового этапа мобильности в Южной Америке. Она подтвердила тезис, что экономические и политиче-

Рисунок 8. Основные направления миграции жителей Южной Америки (%) (12,3 млн)

Источник: Рассчитано и построено автором по данным [Bilateral Migration Matrix 2017].

ские причины подталкивали к миграционному действию, но массовость потока достигалась лишь на фоне активного роста населения.

Наиболее значимым отличием южноамериканского формата миграций стало лидерство внутрирегиональных передвижений. Они носили преимущественно пограничный характер, образуя устойчивые двусторонние связи. В тихоокеанском регионе в качестве страны притяжения выступала Чили, ставшая привлекательной для жителей сопредельной Перу. В атлантической зоне на Аргентине фокусировались потоки из Парагвая и Боливии. Граница между Венесуэлой и Колумбией более полувека считается пространством с самой масштабной трансграничной мобильностью в регионе.

Основой внутрирегиональной миграции была так называемая миграция по уходу за людьми, вовлекшая в свою орбиту тысячи женщин. У мужчин преобладала занятость в строительстве и сельском хозяйстве. Перемещение в сопредельные страны не требовало значительных финансовых накоплений.

Внутрирегиональная миграция – явление относительно новое, оно шло в ногу с ростом численности южноамериканских стран. На примере Аргентины можно увидеть, как в 1980–1990-е гг. основную часть миграционного населения составляли выходцы из государств с более низким уровнем жизни и одновременно высоким темпом роста населения. Наибольшее число мигрантов из латиноамериканских стран приехали в Аргентину в первом десятилетии XXI в. На протяжении нескольких десятилетий преобладали парагвайцы (679 тыс.) и боливийцы (419 тыс.). В 2000-е гг. существенно выросло перуанское сообщество (195 тыс.) [Migración Laboral en América Latina y el Caribe]. Зачастую миграци-

онные анклав в пригородах Буэнос-Айреса создавали новые очаги бедности. Тем не менее каждая община находила свои возможности для заработка на позициях, невостребованных у коренного населения. В то время как парагвайцы были востребованы в строительной отрасли, боливийцы находили работу в аграрной индустрии на различных этапах производства и сбыта овощей и фруктов, ориентированных на внутренний рынок. Часть перуанцев смогла вписаться в мировой гастрономический тренд автохтонной кухни, открывая национальные рестораны. Это создало новые возможности включения в рынок труда Аргентины. Хотя эта сфера не была ядром занятости, она поддержала оригинальный образ этой общины [Pombinho Soares 2018].

Формат внутрирегиональной миграции постепенно развивается. Становится заметным удлинение расстояний миграции и усложнение структуры занятости. Переезд в не-сопредельную страну характерен для людей с более высоким уровнем образования.

Становлению регионального формата мобильности способствовало постепенное развитие миграционного законодательства в рамках интеграционных объединений. В пространстве Общего рынка стран Южной Америки (Mercado Común del Sur, MERCOSUR) действует режим свободного передвижения, но остается необходимость оформления документов постоянного проживания и доступа на рынок труда. С 2009 г. были введены в действие инструменты, облегчившие свободное передвижение людей между странами – членами MERCOSUR, а также для граждан государств – ассоциированных членов объединения. В настоящее время они действуют для Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая, Боливии, Чили, Перу, Колумбии и Эквадора [Residencia en el MERCOSUR]. Хотя

законодательная база не привела к открытию общего рынка труда и профессиональной мобильности, существующий механизм облегчил процесс легальных долгосрочных передвижений между странами. Также в рамках другого регионального объединения Андского сообщества (Comunidad Andina, CAN)³ были реализованы шаги, облегчающие мобильность граждан в субрегионе в качестве туристов или в связи с изменением обычного места жительства (трудова миграция). Так, национальные документы, удостоверяющие личность, признаются в качестве единственного требования для поездок по субрегиону в качестве туриста, а Андская миграционная карта – в качестве единого миграционного документа, используемого в странах-членах [Migración y Movilidad Humana]. Таким образом, развитие внутрирегиональных миграций стало результатом не только персональной экономической мотивации, но и целенаправленной политики крупнейших региональных интеграционных объединений.

Глобальные экономические трансформации, последовавшие за кризисом 2008–2009 гг., завершили период процветания латиноамериканских экономик, прежде всего ориентированных на рынки углеводородов. От падения мировых цен на нефть пострадала Венесуэла, чья социальная модель базировалась на этом финансовом источнике. Постепенное сползание в политический и экономический кризис в конечном счете прорвалось в миграционной плоскости. Проблемы безопасности и роста преступности вкупе с нехваткой товаров первой необходимости и медикаментов спровоцировали массовый исход ее жителей. Страна, на протяжении второй половины XX в. игравшая

роль реципиента миграции, в XXI в. столкнулась с ситуацией сначала «утечки умов», а затем с массовым исходом жителей. Начавшийся в 2017 г. миграционный кризис достиг пиковых значений в 2018 г. По данным УВКБ ООН, на конец 2019 г. за пределами страны находилось около 4,5 млн чел., или 15,7% жителей страны [Venezuela Situation 2019].

Общая ситуация осложнялась тем, что подавляющее большинство венесуэльских мигрантов и беженцев перемещалось в сопредельные южноамериканские государства. Основная часть венесуэльцев обосновалась в Колумбии, Бразилии и Перу. По данным Migración Colombia, правительственной организации, осуществляющей контроль над миграцией и трансграничной мобильностью в Колумбии, по состоянию на 31 августа 2019 г. в стране находилось около полутора миллионов венесуэльских граждан [Cerca de un Millón y Medio de Venezolanos 2019].

Поскольку Колумбия вплоть до последнего времени страдала от внутреннего вооруженного конфликта и являлась миграционным донором, столь массовый приток из соседнего государства лег тяжелым бременем на социальную инфраструктуру. Также и Бразилия, принявшая часть венесуэльских беженцев, столкнулась с проблемами трудоустройства и легализации этих людей. Характерной чертой региональной проблемы стала спонтанность, финансовая и юридическая неподготовленность миграционного действия. Подавляющее большинство покидавших страну жителей намеревалось затем вернуться, а сам отъезд воспринимался как возможность переждать обострение в безопасном месте. Таким образом, миграция не строилась как дол-

3 В настоящее время в его состав входят Боливия, Перу, Эквадор и Колумбия.

госрочный проект, хотя на деле для многих она обрела именно такие черты. В 2018–2019 гг. разработка мер реагирования на венесуэльский миграционный кризис стала важной составляющей региональной межгосударственной политики.

* * *

Рассмотренные модели субрегиональной мобильности позволили в целом разделить регион Латинской Америки и стран Карибского бассейна на два миграционных ареала. Каждый из них обладает различными характеристиками в выборе стран – целей миграции – и стратегиями индивидуальных миграционных проектов. В обоих случаях США выступали в качестве лидирующей страны приема, но по мере географического отдаления интенсивность их магнетического воздействия снижалась. Так, в США направлялись 98% мигрантов из Мексики, в то время как, например, из Парагвая – лишь 3,5% [Bilateral Migration Matrix 2017]. Внутрорегиональные передвижения стали отличительной чертой населения Южной Америки. Именно здесь в перспективе может сформироваться пространство общего рынка труда.

Во второй половине XX в. под воздействием демографических процессов латиноамериканские страны начали выступать в качестве доноров миграции. Демографический взрыв привел к формированию избыточной рабочей силы в молодой возрастной когорте. Глобализация способствовала облегчению важнейших условий мобильности – ускоренному преодолению расстояний и сохранению контактов с родными местами, расширив рынок труда до мирового масштаба.

Начавшаяся после мирового финансово-экономического кризиса глобальная трансформация отразилась и на миграционном пространстве. Импульс

демографического взрыва постепенно ослабевает. Мобильность стала определяться не столько демографическими, сколько негативными экономическими и политическими процессами. Они стали важным катализатором мощных миграционных кризисов (Венесуэла), спонтанных массовых исходов граждан в виде «караванов» (Центральная Америка). При этом пространственная проекция миграционных кризисов все сильнее обуславливается особенностями миграционного ареала. Разделение на северную и южную части становится все более заметным. Учет сложившихся форматов мобильности в выделенных ареалах важен при анализе миграций в регионе, обозначаемом как Латинская Америка и страны Карибского бассейна.

Список литературы

Вишневский А.Г. (2019) Демографическая история и демографическая теория. М.: ВШЭ.

Ивановский З.В. (ред.) (2017) Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН.

Коробков А.В. (2008) Миграционная политика США: уроки для России // Россия в глобальной политике. № 3. С. 27–40 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23597397_72500893.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Крастев И. (2018) После Европы. М.: «Дело» РАНХиГС.

Кудеярова Н.Ю. (2017) Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. № 2. С. 76–91 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28912666_37172982.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Кудеярова Н.Ю. (1) (2019) Латиноамериканцы в Испании через де-

сять лет после миграционного бума // Латинская Америка. № 10. С. 31–47. DOI: 10.31857/S0044748X0006409-8

Кудеярова Н.Ю. (2) (2019) Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе // США и Канада: экономика, политика, культура. Т. 49. № 11. С. 55–70. DOI: 10.31857/S032120680007286-8

Anuario Estadístico de Extranjería-1998 (1998) // Portal de Inmigración // <http://extranjeros.mtramiss.gob.es/es/ObservatorioPermanenteInmigracion/Anuarios/index.html>, дата обращения 21.04.2020.

Baker S.R. (2013) Effects of Immigrant Legalization on Crime: The 1986 Immigration Reform and Control Act // SIEPR Discussion Paper, no 12–012 // https://siepr.stanford.edu/sites/default/files/publications/12-012_3.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Bilateral Migration Matrix-2017 (2017) // World Bank // <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>, дата обращения 21.04.2020.

CEPAL. CEPALSTAT // <http://estadisticas.cepal.org/>, дата обращения 21.04.2020.

“Cerca de un Millón y Medio de Venezolanos Está Viviendo en Colombia”; Director de Migración Colombia (2019) // Migración Colombia, October 23, 2019 // <https://www.migracioncolombia.gov.co/noticias/200-octubre-2019/cerca-de-un-millon-y-medio-de-venezolanos-esta-viviendo-en-colombia-director-de-migracion-colombia>, дата обращения 21.04.2020.

Cifras de Población // Instituto Nacional de Estadística // <https://ine.es/>, дата обращения 21.04.2020.

Krogstad J.M., Passel J.S., D’Vera C. (2019) 5 Facts about Illegal Immigration in the U.S. // Pew Research Center, June 12, 2019 // <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-im>

migration-in-the-u-s/, дата обращения 21.04.2020.

Migration and Remittances Factbook-2016 (2016) // World Bank, Washington, DC: World Bank.

Migración Laboral en América Latina y el Caribe – Corredores Migratorios: Bolivianos, Paraguayos y Peruanos a Argentina – Perfil de los Migrantes // International Labour Organization (ILO) // <http://libguides.ilo.org/migracionlaboralALCcorredoresmigratorios/Bolivianos-Paraguayos-y-peruanos-a-Argentina-perfilde losmig>, дата обращения 21.04.2020.

Migración y Movilidad Humana // Comunidad Andina // <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=311&tipo=TE&title=migracion-y-movilidad-humana>, дата обращения 21.04.2020.

Miró C.A. (1968) La Población de América Latina en el Siglo XX // CELA-DE. Serie A, no 48 // https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/7633/S7100416_es.pdf?sequence=1&isAllowed=y, дата обращения 21.04.2020.

Nahum B. (2007) Estadísticas Históricas del Uruguay, 1900–1950. Vol. 1, Montevideo: Universidad de la República.

O’Connor A., Batalova J., Bolter J. (2019) Central American Immigrants in the United States // Migration Information Source, August 15, 2019 // <https://www.migrationpolicy.org/article/central-american-immigrants-united-states>, дата обращения 21.04.2020.

Panorama Social de América Latina 2019 (LC/PUB.2019/22-P/Re v.1) (2019) // CEPAL // https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44969/5/S1901133_es.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Passel J., D’Vera C., Gonzalez-Barrera A. (2012) Net Migration from Mexico Falls to Zero – and Perhaps Less // Pew Hispanic Center, April 23, 2012 // <https://www.pewresearch.org/hispanic/2012/04/23/net-migration-from-mexico-falls-to-zero-and-perhaps-less/>, дата обращения 21.04.2020.

Perfil Migratorio de Uruguay-2011 (2011), Buenos Aires: Organización Internacional para las Migraciones.

Pombinho Soares V. (2018) Nuevos Migrantes: Qué Aportan a la Argentina Paraguayos, Bolivianos, Venezolanos, Peruanos y Colombianos // La Nación, March 9, 2018 // <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/nuevos-migrantes-que-aportan-a-la-argentina-paraguayos-bolivianos-venezolanos-peruanos-y-colombianos-nid2115547>, дата обращения 21.04.2020.

Recchini de Lattes Z., Lattes A.E. (eds.) (1975) La Población de Argentina, Buenos Aires.

Residencia en el MERCOSUR // MERCOSUR // <https://www.mercosur.int/ciudadanos/residir/>, дата обращения 21.04.2020.

Southwest Border Migration FY-2019 (2019) // U.S. Customs and Border Protection // <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration>, дата обращения 21.04.2020.

Trump D.J. (2016) Donald J. Trump's Vision // Yale Law School // https://law.yale.edu/sites/default/files/documents/pdf/Faculty/immigrationtalk_trumpimmigrationstatement_11-15-16.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Trump D.J. (2018) Donald J. Trump // Twitter, October 18, 2018 // <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1052888451199262725>, дата обращения 21.04.2020.

Venezuela Situation-2019 (2019) // UNHCR // <https://data2.unhcr.org/en/situations/venet>, дата обращения 21.04.2020.

World Development Indicators // World Bank // <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>, дата обращения 21.04.2020.

World Migration Report-2019 (2019), Geneva: International Organization for Migration.

World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables (2017) // United Nations. Working Paper no ESA/P/WP/248 // https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf, дата обращения 21.04.2020.

World Population Prospects-2019, Online Edition. Rev. 1. Median Age by Region, Subregion and Country (2019) // United Nations // <https://population.un.org/wpp/>, дата обращения 21.04.2020.

Zamberlam J. (2004) O Processo Migratório no Brasil e os Desafios da Mobilidade Humana na Globalização, Porto Alegre: Pallotti.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Latin America: Demographic Dynamics and the Migration Processes Transformation

Nadezhda Yu. KUDEYAROVA

PhD in History, Leading Researcher

Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, 115035,

B. Ordynka St., 21, Moscow, Russian Federation

E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6899-0763

CITATION: Kudeyarova N.Yu. (2020) Latin America: Demographic Dynamics and the Migration Processes Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 119–140 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Received: 23.03.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project no 20-014-00023.

ABSTRACT. *Latin America is one of the high level migration activity regions. The mass migration flows are the part of the Western Hemisphere South nations history for more than a century and a half. Both the structure and direction of that flows have been significantly transformed during that period. While being the transatlantic flows recipients at the end of the XIX – beginning of the XX centuries, the Latin American States turned into donors of human resources in the second half of the XX century due to the profound demographic transformation. The aim of this paper is to analyse the demographic transformations impact on the emigration mobility models development in Latin America and the Caribbean countries. Demographic changes were manifested in different ways in countries with a large share of European migrants and those that were not affected by mass migrations flows at the turn of the XIX – XX centuries. The Central America countries and Mexico have experienced the most profound population explosion that subsequently affected the intensity of the migration movement*

to the United States. The paper examines the main migration directions of Latin America and the Caribbean residents, identifies two basic mobility source areas that demonstrate different strategies via different destination countries choice. While the United States has become the leading destination country for Latin American migrants, accounting for 93% of migrants from Central America and Mexico, the South American migration is mostly intraregional. The largest regional integration associations migration policies implementation reflects this difference. Spain has become a significant extra-regional migration destination for South America. At the end of the second decade of the XXI century, global economic transformations affect the migration dynamics of Latin American sub-regions, producing powerful migration crises and local tensions.

KEY WORDS: *Demographic explosion, Latin America, South America, Central America, USA, Spain, migration, migration pressure, transatlantic migration*

References

- Anuario Estadístico de Extranjería-1998 (1998). *Portal de Inmigración*. Available at: <http://extranjeros.mitramiss.gob.es/es/ObservatorioPermanenteInmigracion/Anuarios/index.html>, accessed 21.04.2020.
- Baker S.R. (2013) Effects of Immigrant Legalization on Crime: The 1986 Immigration Reform and Control Act. *SIEPR Discussion Paper*, no 12–012. Available at: https://siepr.stanford.edu/sites/default/files/publications/12-012_3.pdf, accessed 21.04.2020.
- Bilateral Migration Matrix-2017 (2017). *World Bank*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>, accessed 21.04.2020.
- CEPAL. *CEPALSTAT*. Available at: <http://estadisticas.cepal.org/>, accessed 21.04.2020.
- “Cerca de un Millón y Medio de Venezolanos Está Viviendo en Colombia”; Director de Migración Colombia (2019). *Migración Colombia*, October 23, 2019. Available at: <https://www.migracioncolombia.gov.co/noticias/200-octubre-2019/cerca-de-un-millon-y-medio-de-venezolanos-esta-viviendo-en-colombia-director-de-migracion-colombia>, accessed 21.04.2020.
- Cifras de Población. *Instituto Nacional de Estadística*. Available at: <https://ine.es/>, accessed 21.04.2020.
- Ivanovskij Z.V. (ed.) (2017) *Political Conflicts in Latin America: Challenges of Stability and New Opportunities*, Moscow: ILA ACR (in Russian).
- Korobkov A.V. (2008) Migration Policy of the USA: Lessons for Russia. *Russia in Global Affairs*, no 3, pp. 27–40. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23597397_72500893.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Krastev I. (2018) *After Europe*, Moscow: «Delo» RANKiGS (in Russian).
- Krogstad J.M., Passel J.S., D’Vera C. (2019) 5 Facts about Illegal Immigration in the U.S. *Pew Research Center*, June 12, 2019. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/>, accessed 21.04.2020.
- Kudeyarova N.Yu. (2017) The Mass Migration Epoch in Latin America: Globalization vs. Localization. *Latinskaya Amerika*, no 2, pp. 76–91. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28912666_37172982.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Kudeyarova N.Yu. (1) (2019) Latin Americans in Spain Ten Years after the Migration Boom. *Latinskaya Amerika*, no 10, pp 31–47 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0006409-8
- Kudeyarova N.Yu. (2) (2019) The Southwest Border Problem Politicization: the U.S. and Mexico in Regional Migration System. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 49, no 11, pp. 55–70 (in Russian). DOI: 10.31857/S032120680007286-8
- Migration and Remittances Factbook-2016 (2016). *World Bank*, Washington, DC: World Bank.
- Migración Laboral en América Latina y el Caribe – Corredores Migratorios: Bolivianos, Paraguayos y Peruanos a Argentina – Perfil de los Migrantes. *International Labour Organization (ILO)*. Available at: <http://libguides.ilo.org/migracion-laboralALCcorredoresmigratorios/Bolivianos-paraguayos-y-peruanos-a-Argentina-perfilde losmig>, accessed 21.04.2020.
- Migración y Movilidad Humana. *Comunidad Andina*. Available at: <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=311&tipo=TE&title=migracion-y-movilidad-humana>, accessed 21.04.2020.
- Miró C.A. (1968) La Población de América Latina en el Siglo XX. *CELADE*. Serie A, no 48. Available at: <https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/>

11362/7633/S7100416_es.pdf?sequence=1&isAllowed=y, accessed 21.04.2020.

Nahum B. (2007) *Estadísticas Históricas del Uruguay, 1900–1950*. Vol. 1, Montevideo: Universidad de la República.

O'Connor A., Batalova J., Bolter J. (2019) Central American Immigrants in the United States. *Migration Information Source*, August 15, 2019. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/central-american-immigrants-united-states>, accessed 21.04.2020.

Panorama Social de América Latina 2019 (LC/PUB.2019/22-P/Re v.1) (2019). CEPAL. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44969/5/S1901133_es.pdf, accessed 21.04.2020.

Passel J., D'Veira C., Gonzalez-Barreira A. (2012) Net Migration from Mexico Falls to Zero – and Perhaps Less. *Pew Hispanic Center*, April 23, 2012. Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2012/04/23/net-migration-from-mexico-falls-to-zero-and-perhaps-less/>, accessed 21.04.2020.

Perfil Migratorio de Uruguay-2011 (2011), Buenos Aires: Organización Internacional para las Migraciones.

Pombinho Soares V. (2018) Nuevos Migrantes: Qué Aportan a la Argentina Paraguayos, Bolivianos, Venezolanos, Peruanos y Colombianos. *La Nación*, March 9, 2018. Available at: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/nuevos-migrantes-que-aportan-a-la-argentina-paraguayos-bolivianos-venezolanos-peruanos-y-colombianos-nid2115547>, accessed 21.04.2020.

Recchini de Lattes Z., Lattes A.E. (eds.) (1975) *La Población de Argentina*, Buenos Aires.

Residencia en el MERCOSUR. *MERCOSUR*. Available at: <https://www.mercosur.int/ciudadanos/residir/>, accessed 21.04.2020.

Southwest Border Migration FY-2019 (2019). *U.S. Customs and Border Protection*. Available at: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration>, accessed 21.04.2020.

Trump D.J. (2016) Donald J. Trump's Vision. *Yale Law School*. Available at: https://law.yale.edu/sites/default/files/documents/pdf/Faculty/immigrationtalk_trumpimmigrationstatement_11-15-16.pdf, accessed 21.04.2020.

Trump D.J. (2018) Donald J. Trump. *Twitter*, October 18, 2018. Available at: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1052888451199262725>, accessed 21.04.2020.

Venezuela Situation-2019 (2019). *UN HCR*. Available at: <https://data2.unhcr.org/en/situations/vensit>, accessed 21.04.2020.

Vishnevskij A.G. (2019) *Demographic History and Demographic Theory*, Moscow: HSE (in Russian).

World Development Indicators. *World Bank*. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>, accessed 21.04.2020.

World Migration Report-2019 (2019), Geneva: International Organization for Migration.

World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables (2017). *United Nations*. Working Paper no ESA/P/WP/248. Available at: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf, accessed 21.04.2020.

World Population Prospects-2019, Online Edition. Rev. 1. Median Age by Region, Subregion and Country (2019). *United Nations*. Available at: <https://population.un.org/wpp/>, accessed 21.04.2020.

Zamberlam J. (2004) *O Processo Migratório no Brasil e os Desafios da Mobilidade Humana na Globalização*, Porto Alegre: Pallotti.